Водитель попался очень разговорчивый, явно повидавший на своем веку немало. Увидев Лян Сюня, он по-житейски рассудил:

— Наверное, для молодого человека везете? Такую уйму цветов привезти — дело непростое, ваш парень наверняка будет тронут до глубины души.

Услышав это, Лян Сюнь неожиданно очень легко усмехнулся, брови его расправились, а в холодных глубоких глазах мелькнул праздный блеск.

— Ваши бы слова да мне впрок.

Водитель простодушно рассмеялся:

— Ну тогда я сейчас выгружу эти цветы для вас.

Лян Сюнь не стал отказываться и не стал говорить водителю, что изначально эти цветы предназначались совсем для другого места, но в пути случилось непредвиденное, и они внезапно лишились права быть доставленными по назначению.

Впрочем, всё было не так уж плохо: он помнил, что у заднего входа в особняк есть оранжерея, которая всё это время стояла пустой и заброшенной, а теперь вот представилась возможность ею воспользоваться.

— Перенесите все цветы в оранжерею позади дома.

— Сделано!

Шел сильный дождь, и водитель в дождевике носил цветы в задний двор кадка за кадкой. Леукорикумы высшего качества — даже те, чьи лепестки опали под дождем, по-прежнему выглядели прекрасно, обладая особой красотой увядания.

Неизвестно, сколько они продержатся в оранжерее, но раз уж можно сберечь их хоть какое-то время, значит, так тому и быть.

-

Сезон дождей тянулся бесконечными ливнями. Цзянь Хуайи не хотел выходить из дома, целыми днями зарывшись в плед и забросив работу.

В конце концов, в их компании без него было бы так же пусто, как в финансовом мире без Цзянь Лоцзя. Цзянь Лоцзя — гений, которого умудряются обмануть даже при покупке

страховки.

Проводить дождливые дни дома было чрезвычайно уютно, если не считать того, что временами его поколачивал отец. Но поскольку совсем недавно он чуть было не стал разменной монетой, которую Старейшина Цзянь попытался продать, в последнее время Старейшина Цзянь смотрел на него гораздо мягче, да и упреки его звучали беззлобно. Пожалуй, каким бы черным ни было чье-то сердце, даже в самой его черноте можно отыскать крупицу не такой уж черной белизны.

Зазвонил телефон. Цзянь Хуайи отложил в сторону тарелку, доверху наполненную мини-томатами, нашарил трубку и принял вызов.

— Цзянь-эр!

Палец соскользнул и случайно включил громкую связь, из динамика донесся зычный голос, от которого зазвенело в ушах.

Цзянь Хуайи нахмурился и едва не сбросил вызов.

— Что-то случилось?

Голос Чжао Яньтина по-прежнему звучал возбужденно, и Цзянь Хуайи немного отодвинул телефон от уха.

— Цзянь-эр, слышал, ты расстался?

Цзянь Хуайи:……

Ну просто талант, этот Цзянь Лоцзя.

— Расстался, и что с того?

— Ого! Цзянь-эр, ты бессовестный! О таком событии, как расставание, нам даже не сказал, ты нам вообще брат или нет? — Чжао Яньтин закинул ногу на ногу и затараторил: — Цзянь-эр, на этот раз я буду тебя отчитывать. Если бы Лоцзя словечком не обмолвился, мы бы так и пребывали в неведении.Этот сопляк Цзян Юэ даже о том, как парень купил ему розовые трусы, нам рассказывает, а ты, Цзянь-эр, о таком грандиозном событии, как расставание, даже не заикнулся.

Чжао Яньтин откашлялся и продолжил:

— Я, молодой господин, официально заявляю от лица всей первой четверки города А иск к

тебе, и обвинение наше — умышленное сокрытие информации.

Цзянь Хуайи помолчал немного, переваривая витиеватые речи Чжао Яньтина, и перешел сразу к делу:

— Что опять задумал?

Услышав это, Чжао Яньтин хмыкнул:

— Сегодня Цзян Юэ угощает, придешь вечером выпить?

— Во сколько?

— В девять, адрес скинул тебе на телефон.

В девять вечера бары только начинали оживать. Цзянь Хуайи был одет в повседневное: светлая рубашка и джинсы, — он совершенно не вписывался в атмосферу заведения. Но красивому человеку к лицу любая одежда, и едва переступив порог бара, он сразу привлек к себе взгляды окружающих.

— Цзянь-эр, сюда! — Чжао Яньтин помахал рукой у входа.

Цзянь Хуайи подошел, небольшой черный кожаный диванчик рядом был свободен, и он непринужденно опустился на него. Чжао Яньтин отставил высокий бокал в сторону и придвинулся к Цзянь Хуайи вплотную, отчего диванчик, рассчитанный от силы на одного человека, мгновенно стал тесным. К счастью, у Цзянь Хуайи была легкая кость, так что мебель трещать по швам не стала.

Назло всему Чжао Яньтин даже не осознавал этого, по-приятельски закинув руку Цзянь Хуайи на плечо, и приподнял брови:

— Цзянь-эр, ты что, парфюмом брызнулся? — с этими словами он даже принюхался, уткнувшись носом в шею Цзянь Хуайи.

Если бы не знание того, что Чжао Яньтин — самый натуральный гетеросексуал, Цзянь Хуайи даже заподозрил бы его в умысле. Но для друзей такая дистанция всё же была слишком близкой, и Цзянь Хуайи оттолкнул плечо Чжао Яньтина, произнеся чистым, звонким голосом:

— Нет. Возвращайся на свое место.

Вошедшие следом за ними Лян Сюнь и Цзян Юэ как раз застали эту сцену и оба одновременно

остановились.

Цзян Юэ неловко усмехнулся:

— Ха-ха, этот Яньтин всё такой же липучка по отношению к Хуайи.

Лян Сюнь ничего не ответил и с абсолютно привычным выражением лица прошел вперед, усевшись на диванчике напротив Цзянь Хуайи.

Заметив это, Чжао Яньтин перевел внимание на Лян Сюня и Цзян Юэ, прищурился и спросил:

— Вы чего это вместе приперлись?

Официант принес заказанный Цзян Юэ виски, Цзян Юэ взял бокал за ножку и изогнул губы в улыбке, глядя на Чжао Яньтина:

— Угадай.

Едва прозвучали эти слова, как Чжао Яньтин вскочил с маленького диванчика и бросился к Цзян Юэ, проворно выхватив из его рук еще не пригубленный бокал, и прямо из горлышка отпил глоток.

Цзян Юэ улыбнулся:

— Прекрасно.

— Две порции бренди, — Лян Сюнь взял два бокала, один из которых поставил прямо перед Цзянь Хуайи.

— Когда улетаешь? — вспомнив прежние слова Лян Сюня, спросил Цзянь Хуайи.

— Послезавтра, — ответил Лян Сюнь.

Цзянь Хуайи взял бокал с бренди, кончик его языка коснулся светло-коричневой жидкости, и по рту тут же разлился древесный аромат. Среди всего алкоголя он больше всего любил именно бренди.

— Так! Тишина! — Чжао Яньтин левой рукой держал мини-микрофон, отобранный у кого-то, и, стоя посреди диванной зоны, обратился к остальным трём. — Знаете ли вы, зачем мы сегодня здесь собрались?

Трое молчали, не говоря ни слова. Не выдержал лишь Цзян Юэ, который с кислым видом бросил в ответ:

— Без понятия.

Чжао Яньтин с довольным видом кивнул ему:

— И то верно, не зря ты мой побежденный соперник, соображаешь на лету.

Цзян Юэ: Чтоб твою бабушку.

— Ладно, раз уж так, то я, молодой господин, сам объявлю цель сегодняшнего сбора нашей четверки. Во-первых, проводить нашего Лян Сюня, генерального директора Ляна, в путь.

Микрофон перекочевал к сидевшему напротив, и Лян Сюнь для вида отпил глоток.

Чжао Яньтин, нисколько не смущаясь повисшей паузы, тут же забрал микрофон обратно и продолжил:

— А во-вторых, отпраздноlвать то, что наш молодой господин Цзянь, Цзянь Хуайи, наконец-то прозрел и бросил этого мерзавца.

Цзянь Хуайи:……

— Просим молодого господина Цзяня сказать прощальную речь.

С этими словами микрофон снова сунули ему под нос.

Цзянь Хуайи:……

Он тоже для вида сделал глоток бренди, а когда опустил бокал, встретился взглядом с Лян Сюнем. Во взгляде том не было заметно ряби, но почему-то казалось, будто на самом дне таится какая-то непонятная буря.

Цзянь Хуайи на мгновение замер, но Лян Сюнь тут же вернул себе обычное холодное и отрешенное выражение лица.

Пока Чжао Яньтин продолжал балаганить, Лян Сюнь низким голосом произнес:

— Цзянь Хуайи, ты расстался.

Цзянь Хуайи кивнул и только собрался заговорить, как к нему придвинулся Чжао Яньтин, намереваясь выпить на брудершафт.

— Цзянь-эр, ты уж сильно-то не убивайся, этот Лу Ян — кроме мордашки ничего примечательного, и до нашего генерального директора Ляна ему далеко. Как там говорится? Свет клином на нем не сошелся, у меня есть знакомые парни из ваших кругов, я потом… потом попрошу, чтобы тебе кого-нибудь представили.

Чжао Яньтин пить не умел, едва осилил три рюмки, как язык у него стал заплетаться.

Цзянь Хуайи нашел это забавным:

— Ну… спасибо тебе.

— Не стоит! Мы же свои люди! — с этими словами Чжао Яньтин схватил со столика еще по бокалу, сунул один Цзянь Хуайи, и они чокнулись, выпив до дна.

Утомленный настойчивостью Чжао Яньтина, Цзянь Хуайи незаметно для себя тоже опьянел и захмелел, а про Чжао Яньтина и говорить нечего — тот уже висел на ножке дивана, неся какую-то ахинею.

Из всех присутствующих более-менее трезвыми выглядели лишь Лян Сюнь да Цзян Юэ.

Цзян Юэ потер переносицу, посмотрел на уткнувшегося в свои пальцы Цзянь Хуайи и валяющегося на полу Чжао Яньтина, а затем сказал Лян Сюню:

— Разойдемся по одному?

Лян Сюнь кивнул, после чего молча подошел, взял Цзянь Хуайи за руку и увел с собой. На месте остался лишь Чжао Яньтин, обнимавший ножку дивана и звавший папочку.

Цзян Юэ улыбнулся:

— Просто великолепно.

Глава 4

В отличие от Чжао Яньтина, пьяный Цзянь Хуайи становился невероятно тихим. Он послушно следовал за Лян Сюнем след в след, отставая ровно на полшага, словно утенок за мамой-уткой.

Похоже, заметив это, Лян Сюнь остановился, ожидая, пока Цзянь Хуайи подойдет, но тот

почему-то встал как вкопанный и даже не думал двигаться дальше.

Мало того, что он остановился, он еще и с недоумением уставился на затылок Лян Сюня. В его ярких глазах блестела едва заметная влага, и Цзянь Хуайи озадаченно выдал:

— Чего это… мы больше не идем?

http://bllate.org/book/33607/4130621